

ПОЛКОВОДЦЫ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Валентин Рунов

ШАПОШНИКОВ

Полководцы Великой Победы

Валентин Рунов

Шапошников

«ВЕЧЕ»

2020

Рунов В. А.

Шапошников / В. А. Рунов — «ВЕЧЕ», 2020 — (Полководцы Великой Победы)

ISBN 978-5-4484-8513-8

Эта книга рассказывает о Маршале Советского Союза Б. М. Шапошникове. В своем служении Отечеству он смог не только преодолеть невзгоды, обрушившиеся на Россию в первой половине XX в., но и подняться на высшую ступень военной иерархии, возглавив Генеральный штаб РККА в самый сложный период Великой Отечественной войны. О том, как удалось ему не только выжить, но и возвыситься в труднейших условиях, посвящена данная книга. При работе над биографией Б. М. Шапошникова автор использовал мемуары своего героя, архивные документы, воспоминания соратников и современников.

ISBN 978-5-4484-8513-8

© Рунов В. А., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Введение	6
Часть первая. Сквозь тернии к маршальской звезде	10
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Валентин Рунов Шапошников

Знак информационной продукции 12+

© Рунов В. А., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Введение

Советская военная история первой половины XX века связана с именами многих людей, видное место среди которых, безусловно, принадлежит Борису Михайловичу Шапошникову – Маршалу Советского Союза, человеку, трижды занимавшему пост начальника Генерального штаба РККА. Сам он о своей службе в рядах Красной Армии мемуаров не оставил. Как ни странно, но капитальных исследований о жизни и деятельности этого человека отечественными историками и писателями также не проводилось. В военном отделе библиотеки имени В. И. Ленина мне удалось отыскать всего несколько книг, посвященных Борису Михайловичу. Первой из них была брошюра Я. М. Горелика «Маршал Советского Союза Борис Михайлович Шапошников (краткий очерк жизни и деятельности)», изданная в 1961 году. Вторая – небольшая брошюрка М. В. Захарова «Ученый и воин», изданная в 1974 году. Третья – сборник статей «Б. М. Шапошников и его военно-теоретическое наследие», изданный в 1983 году к 100-летию со дня рождения маршала. Правда, имеется еще десяток статей, которые разрабатывались различными авторами в связи с юбилейными датами из жизни Б. М. Шапошникова, но все они, по сути, представляют собой краткий биографический очерк об этом человеке.

В то же время жизнь и служебная деятельность Б. М. Шапошникова протекали в очень непростое время. Участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн, начального этапа строительства Красной Армии, свидетель репрессий 1930-х годов, человек, видевший и общавшийся с императором Николаем II, Львом Троцким, Михаилом Фрунзе, Михаилом Тухачевским, Георгием Жуковым и, наконец, с И. В. Сталиным... Его перу принадлежит около 40 работ, освещающих актуальные вопросы военного дела, он – редактор почти 20 трудов. Уже одного этого достаточно для того, чтобы оставить после себя многотомные мемуары, как это сделали многие другие военачальники. Но Б. М. Шапошников, который 16 лет служил в императорской армии и 27 лет в Красной Армии, довольствовался описанием только первого этапа своей жизни. Нет ни одного труда или статьи, отражающих его отношение к советской власти.

В этих условиях остается рассчитывать на то, что написано о Б. М. Шапошникове в мемуарах других военачальников. Но и здесь мы испытываем определенный «голод». Оказывается, не так уж много людей, близко общавшихся с Борисом Михайловичем. В числе таких счастливых, безусловно, был А. М. Василевский. В книге «Дело всей жизни» он писал:

«В Генеральном штабе, рядом с Б. М. Шапошниковым и под его руководством, росли мой оперативный кругозор, опыт, знания. Пожалуй, именно тогда мне в полной мере раскрылась та роль, которая отводилась каждому из видов и родов войск в системе Вооруженных Сил...

...Вся работа Генерального штаба протекала под непосредственным руководством Б. М. Шапошникова. Авторитет Бориса Михайловича как видного военного деятеля и опытейшего специалиста, особенно в вопросах штабной службы, рос тогда с каждым годом. Его обширные и разносторонние знания были остро необходимы в то сложное время.

Б. М. Шапошников обладал всеми необходимыми качествами для работы в Генеральном штабе: отличным знанием военного дела, большой эрудицией, огромным трудолюбием и высоким чувством ответственности. Опыт крупной оперативно-штабной работы в годы первой мировой и гражданской войн, высокое доверие со стороны Центрального Комитета партии и Советского правительства позволили Б. М. Шапошникову превратить Генеральный штаб в подлинный центр руководства военным планированием, боевой и оперативной подготовкой Красной Армии. Его личный пример влиял на подчинённых. Выдержанность, вежливость и скромность, такт в общении с людьми, дисциплинированность и предельная исполнительность – все это воспитывало у лиц, работавших под его началом, чувство собственного достоинства, ответственность и точность, высокую культуру поведения. Подчеркну, что Б. М. Шапошников

являлся олицетворением долга. В безупречном, инициативном и своевременном выполнении заданий партии и правительства по укреплению обороноспособности страны он видел свою первейшую обязанность и самый смысл существования Генерального штаба.

Борис Михайлович был известен не только нашим Вооруженным Силам и стране, но и в армиях зарубежных стран как крупный военный теоретик, отличный организатор, мастер оперативной штабной работы. Он внес заметный вклад в подготовку большой плеяды опытных советских военачальников.

Работа с Б. М. Шапошниковым была постоянной и неоценимой школой. И я, признаться, всегда испытывал чувство гордости, когда И. В. Сталин, рассматривая тот или иной вопрос, говорил обо мне:

– А ну, послушаем, что скажет нам шапошниковская школа!»

В. В. Курасов, который работал с Борисом Михайловичем в должности начальника отдела и заместителя начальника Оперативного управления Генерального штаба с 1940 года по июнь 1941 года, вспоминал:

«...Хочется сказать хотя бы несколько слов относительно некоторых черт характера этого замечательного человека. Основными из этих черт были: вежливость, такт во взаимоотношениях с подчиненными, способность их внимательно выслушать, готовность оказать им помощь. Отличаясь исключительной точностью и аккуратностью, непримиримостью к любым нарушениям дисциплины, он строго требовал этого и от подчиненных и пользовался у них уважением.

При решении сложных вопросов Борис Михайлович считал необходимым посоветоваться со своими ближайшими помощниками. Большое и постоянное внимание уделял он росту и выдвижению военных кадров и всегда был доволен тем, что офицеры, выдвинутые им на более высокую должность, оправдывали его доверие.

Обладая буквально феноменальной памятью, Борис Михайлович мог, не пользуясь записью, провести разбор крупных и сложных учений или без карты заслушать доклад о боевой обстановке...»

А. И. Антонов, начальник штаба Московского военного округа (1937–1940), затем начальник штаба военного округа и фронта отмечал:

«Борис Михайлович Шапошников одним из первых офицеров старой русской армии вступил в Красную Армию с самого начала ее создания. Будучи крупным военным специалистом и имея большой боевой опыт, тов. Шапошников отдавал все свои знания, все свои силы делу организации, строительства и укрепления Вооруженных Сил Советского Союза, делу воспитания и подготовки командных кадров Красной Армии, много работал над вопросами теории военного дела и сделал немалый вклад в советскую военную науку... Тов. Шапошников знает не только Красная Армия, его знает вся наша страна, как одного из старейших и выдающихся строителей и руководителей Красной Армии...»

В блестящие победы Красной Армии над немецкими захватчиками вложена значительная доля его многолетнего и плодотворного труда. Он был военным человеком в полном смысле этого слова, человеком военной дисциплины и военного долга...»

И. С. Конев, командующий армией, а во время Московской битвы – Калининским фронтом, в своих воспоминаниях о Борисе Михайловиче был очень скуп. Он только отметил: «Особенно запомнились мне те счастливые минуты, когда на учениях в Московском военном округе я со своим полком, смешав во встречном бою все карты «противника» вышел прямо на командный пункт командира «Синей дивизии» Бориса Михайловича Шапошникова, командующего тогда Московским военным округом».

С. М. Штеменко, старший помощник начальника отдела, офицер Оперативного отдела, начальник направления Генерального штаба в 1940–1942 гг., вспоминал: «Борис Михайлович Шапошников был обаятельным человеком и к таким, как я, молодым тогда полковникам, относился с истинно отеческой теплотой. Если что получалось у нас не так, он не бранился, даже не

повышал голоса, а лишь спрашивал с укоризной: – Что же это вы, голубчик? От такого вопроса мы готовы были провалиться сквозь землю, ошибки свои запоминали надолго и уже никогда не повторяли их. Как-то я был вызван к Шапошникову далеко за полночь. Борис Михайлович сидел за столом в белой рубашке с подтяжками на плечах. Китель висел на стуле. – Садитесь, голубчик, – пригласил он совсем по-домашнему. Мы относительно быстро покончили с делами, но начальник Генерального штаба не спешил отпускать меня. Настроение у него было в тот раз особенно хорошим, и, просматривая карту, он стал вдруг вспоминать, как сам служил когда-то в Средней Азии. Борис Михайлович на память знал особенности здешних условий, отлично помнил местность. Я тоже наизусть знал это. Получилась увлекательная беседа. Впоследствии такие беседы возникали у нас неоднократно, и я черпал из них очень много полезного для работы своего отдела и для себя лично».

М. И. Казаков, начальник штаба Среднеазиатского военного округа в период с 1938 года по март 1941 года, а в 1941 и 1942 гг. – начальник штаба Брянского и Воронежского фронтов, писал: «Б. М. Шапошников был высокообразованный военный человек, крупный специалист в области оперативного искусства и тактики. В учебный процесс в академии он внес много нового, очень нужного для будущей работы ее питомцев. Со слушателями выпускного курса у него сразу же установились самые теплые связи. Борис Михайлович интересовался нашими дипломными работами, посещал занятия в группах, внимательно беседовал с каждым, исподволь «прощупывая» наши знания. Немало заботы проявлялось им и о планомерном пополнении академии новыми преподавателями из войск. Он лично занимался подбором адъюнктов. Борис Михайлович имел добрый характер, был доступен для всех. И каждый, кто близко знал его, навсегда сохраняют самые теплые воспоминания об этом интересном, знающем и душевном человеке... Борис Михайлович не раз удивлял меня своей феноменальной памятью. Беседуя в течение дня с десятком людей, выслушивая самые разнообразные вопросы или просьбы, он никогда не пользовался блокнотом, однако ничего не забывал. Даже через несколько месяцев он мог при случае напомнить слушателю, о чем когда-то вел с ним разговор...»

А. В. Хрулев, начальник Управления снабжения, главный интендант РККА в период с 1939 по 1945 год, отмечал: «Я знаю Бориса Михайловича с 1923 года. Работал вместе с ним в Московском военном округе, когда он был командующим войсками округа. Был тесно связан с ним в 1928 году, когда он работал в должности начальника Штаба РККА, соприкасался вплотную с его работой в академии и в последующие годы, когда он командовал войсками Ленинградского и Приволжского военных округов и вновь был начальником Генерального штаба и заместителем наркома обороны. Борис Михайлович бесспорно был высокообразованным военным работником, знал великолепно историю военного искусства. Он обладал самыми лучшими человеческими качествами, всегда отличался в своей деятельности педагогичностью и методичностью, был исключительно тактичным при заслушивании докладов подчиненных. Этим и многим другим он выделялся среди наших работников. Сильной стороной Бориса Михайловича являлось умение организовать подготовку высших начальников и высших штабов. Военные игры он всегда проводил на сложном оперативном фоне, основу которого составлял, как правило, какой-либо исторический факт. При разборе игры он до мельчайших подробностей разбирал ошибки сторон и в заключение указывал, как следовало бы проводить эту операцию в современных условиях с современными техническими средствами. Военные игры, которые организовывал Борис Михайлович Шапошников, были исключительно поучительными...»

Оставил свои воспоминания о Шапошникове и генерал И. В. Болдин, который до войны был командующим войсками Калининского, Одесского военных округов, затем – первый заместитель командующего Западным особым военным округом, а в период Московской битвы – командующим 19-й армией Западного фронта. Он писал: «За долгие годы службы в армии нам с Шапошниковым часто приходилось встречаться, и каждая встреча радовала меня. В этом замечательном человеке, всегда внутренне и внешне подтянутом, организованном, гар-

монично сочетались душевная красота и огромная эрудиция, высокая культура и блестящее знание военного дела. Он был высокообразованным представителем военного командования и обладал большим личным обаянием. С первой же встречи маршал Шапошников располагал к себе. Ни занимаемый пост, ни перегруженность работой не мешали ему быть всегда одинаково ровным, общительным. Его никогда не покидало чудесное качество – умение для каждого найти доброе слово. Вот и теперь, в этот поздний час, беседуя со мной, Борис Михайлович интересовался самочувствием, расспрашивал о семье, вспоминал события далеких двадцатых годов и наши первые встречи. Несмотря на то, что в ночное время московское небо было особенно тревожным, маршал сохранял полное спокойствие. Больше того, он сумел создать атмосферу уюта, наполнить беседу теплом...»

Таким образом, у всех современников воспоминания о Б. М. Шапошникове остались только самые хорошие. Это наводит на несколько мыслей: либо Борис Михайлович и на самом деле был выдающийся военный деятель и очень талантливый руководитель, либо все авторы в своих воспоминаниях использовали шаблоны, навязанные им свыше. Вполне возможно, что имели место и первое и второе. Постараемся разгадать эту загадку на основании сопоставления ряда факторов, которые определяли жизнь страны в первой половине XX века и которые, безусловно, самым существенным образом влияли в то время на судьбу каждого человека, тем более такого уровня, как Б. М. Шапошников.

Часть первая. Сквозь тернии к маршальской звезде

СТАНОВЛЕНИЕ

Родился Борис Шапошников 20 сентября (2 октября нового стиля) 1882 года в уездном городе Златоусте Уфимской губернии, на Южном Урале. Своих предков он не знал. По рассказам, его дед по линии отца был из донских казаков. Отец, Михаил Петрович, родился в 1837 году, окончил Новочеркасское городское училище. Но когда ему исполнилось 15 лет, старший Шапошников выписался из казаков и переехал на житье в город Саранск. Там Михаил Петрович начал службу писцом в одном из городских учреждений.

В 1869 году семья Шапошниковых переехала в Уфимскую губернию. Михаил Петрович поступил на службу к купцу Ф. А. Злоказову, который вместе со своими двумя братьями был владельцем торгового дома, суконной фабрики в Екатеринбурге, пароходов на Тоболе и Иртыше, а также права торговли спиртными напитками в своем регионе. Кроме того, в личной собственности Федора Алексеевича имелся еще один, Петропавловский, завод, находившийся в Златоустовском уезде, при слиянии рек Ай и Арша. Михаил Петрович был назначен управляющим эти заводом с окладом 100 рублей в месяц. Такое жалование в то время считалось вполне приличным, и на накопленные три тысячи рублей семья смогла купить дом в Златоусте.

Совсем недавно сотрудники архива г. Златоуста обнаружили запись о рождении будущего маршала в метрической книге Христорождественской церкви Кусинского завода. В ней указано: «20 сентября 1882 года у мещанина Пензенской губернии города Саранска Михаила Петрова Шапошникова и его законной жены Пелагеи Косьминой (Ледомской) родился сын Борис». Пелагея была третьей женой Михаила Шапошникова (они поженились в 1881 году: жениху было – 44, а невесте – 23 года). От первого брака у него осталось трое детей. Младшая дочь Валентина и стала крестной своего брата Бориса.

Со временем социальное положение Михаила Петровича начало меняться – подрастали сыновья хозяина и тот стремился приставить их к делу. В 1894 году один из них взял Петропавловский завод под свое управление, а Шапошникова перевели заведующим казенным винным складом. И хотя оклад ему был оставлен прежний, но продолжительность рабочего дня была увеличена до 18 часов. Не выдержав напряжения или по иным причинам, Михаил Петрович был вынужден оставить службу. В это время Борису едва исполнилось 14 лет.

В 1896 году семья Шапошниковых, оставив служебную квартиру на Петропавловском заводе, переехала в Златоуст. Вскоре Михаилу Петровичу было предложено место заведующего винным складом на Симском заводе Уфимской губернии. Там он и проработал до 1900 года.

Мать Бориса, Пелагея Кузьминична Ледомская, 1858 года рождения, по утверждению некоторых историков, по своему происхождению была из польских дворян, высланных на Урал русским правительством после восстания 1864 года. Ее отец служил в Уфе секретарем дворянской опеки, но умер очень рано. После смерти отца Пелагея Кузьминична работала учительницей. Она была третьей женой Михаила Петровича и вышла за него замуж в 1881 году из-за бедности, когда он уже имел от первого брака сыновей Виктора, Александра, Николая и дочь Валентину. От второго брака детей не было, так как жена Михаила Петровича умерла всего через год после свадьбы.

Таким образом, семья Бориса Михайловича по тем временам считалась вполне благополучной, хотя и не очень зажиточной. Все их старшие дети относительно неплохо устроились в жизни: Виктор, окончив гимназию в Уфе, впоследствии работал бухгалтером на заводах и

приисках Урала и Сибири; Александр окончил начальное училище и работал, как и отец, заведующим винным складом; Александр также работал бухгалтером на различных заводах Урала; Валентина вышла замуж за бухгалтера одного из местных заводов.

После брака с Палагеей Кузьминичной в семье Шапошниковых, кроме Бориса, родилось еще трое детей – сыновья Евгений и Сергей и дочь Юлия. Правда, Сергей в девятилетнем возрасте умер от менингита. С братом и сестрой Борис Михайлович поддерживал добрые отношения всю свою жизнь.

Свои первые сознательные впечатления в жизни Борис Михайлович относит к периоду пребывания в Златоусте. Во времена его детства это был обычный для России уездный городок с семнадцатью тысячами населения и двумя казенными оружейными заводами. Рабочие Златоуста, как, впрочем, и других уральских заводов, являлись полупролетариями: работая на заводе, они одновременно вели и небольшое крестьянское хозяйство, занимались кустарным промыслом, изготавливая ножи, вилки, другие предметы домашнего обихода. Не было в Златоусте ни одного среднего учебного заведения. Только в 1890 году открыли в нем первое ремесленное училище.

Борис до 11 лет учился в Златоусте и жил в доме бабушки и тетки Людмилы Кузьминичны, которая работала учительницей в начальной женской школе. Она и стала его первым воспитателем и учителем, привившим любовь к книгам. Этому способствовало и то, что дядя Бориса, Владимир Кузьмич, уезжая на новое место жительства, предоставил ему отдельную комнату и библиотеку, в которой преобладали книги русских классиков. «Книги я читал запоем, – вспоминал позже Борис Михайлович. – С трудом можно было отправить меня во двор или на улицу, чтобы подышать свежим воздухом, – не мог расстаться с интересной книгой». Так как в это время родители Бориса по роду работы его отца жили на заводе в сорока километрах к западу от Златоуста, то он появлялся в Петропавловском заводе ненадолго только во время каникул. Однако и эти кратковременные наезды оставили у него яркие впечатления. Ему хорошо запомнились бедные башкирские деревни вокруг завода, башкирский национальный праздник, на который брал его иногда с собой отец, приглашаемый крестьянами окрестных деревень. Праздник ярко запечатлелся в памяти мальчика национальной борьбой, скачками, танцами. Общение с местными крестьянами и их детьми позволило ему немного усвоить башкирский язык. Знание этого языка принесло ему немалую пользу впоследствии, когда он нес воинскую службу в Туркестане.

В 1893 году Людмила Кузьминична вышла замуж за достаточно богатого купца Лабутина, который имел свои магазины и склады в городе Кургане. Бабушка и она сама должны были переезжать в этот город. Борис же поступил в Красноуфимское промышленное училище, которое давало среднее специальное образование, да и оплата за учебу здесь была значительно ниже. В то время, по признанию Бориса Михайловича, семье Шапошниковых приходилось строго планировать свои доходы и расходы.

В то время Красноуфимск был небольшим уездным городом, расположенным на реке Уфа с населением пять тысяч человек. По своему виду он больше напоминал большое село. Но так как в Красноуфимске был небольшой фосфорный завод, то местная администрация имела достаточно средств для того, чтобы содержать промышленное училище, имевшее шесть классов с программой реального училища. После его окончания выпускники могли поступать на горное или сельскохозяйственное отделения, которые были открыты при этом же училище. Учащиеся жили на частных квартирах, и Борис поселился на квартиру к женщине, у которой проживало еще девять учеников.

Учили в училище хорошо, но дисциплина была очень суровой. Все учащиеся были обязаны строго соблюдать распорядок дня, носить установленную форму одежды, за проступки полагались взыскания, вплоть до ареста и заключения в карцер. Время от времени квартиру,

где проживали ученики, посещал учитель или классный наставник. На каждого учащегося велся специальный штрафной журнал.

Борис учился достаточно старательно. В первых трех классах реального училища учащиеся, кроме прочих предметов, изучали военное дело, вернее гимнастику и простейшие строевые приемы. При этом на строевых занятиях пользовались деревянными ружьями. Руководил занятиями по военному делу фельдфебель местной команды уездного воинского начальника.

В июне 1899 года Борис Шапошников закончил шесть классов реального училища со средним баллом 4,3. Кроме него, такой высокий балл имело еще два выпускника. Он хотел по документам поступить в Екатеринбургское реальное училище для того, чтобы окончить седьмой класс, но не был принят по каким-то причинам. Тогда Борис подал документы в Пермское реальное училище и был принят. В 1890 году он окончил училище, получив достаточно редкое для того времени среднее образование.

Сегодня, спустя много лет, анализируя этот период жизни Бориса Михайловича, можно сделать несколько выводов. Во-первых, несмотря на определенную материальную скромность, он вырос в среде достаточно образованных по тому времени людей и сам получил среднее образование. Во-вторых, учеба в реальных училищах смогла привить ему любовь к точным наукам. В-третьих, строгая дисциплина приучила юного Шапошникова к личной ответственности, пунктуальности и точности – качествам, крайне важным для будущего военачальника. В-четвертых, уже в столь юном возрасте Борис впервые косвенно прикоснулся к военному делу, понял значение воинской дисциплины и порядка, что впоследствии стало основой всей его дальнейшей жизни.

В то время семья Шапошниковых жила в небольшом городе Белебей с двумя тысячами жителей, где Михаил Петрович работал заведующим казенным винным складом. Перспектив получения достойной работы для молодого Шапошникова там не было. Позже Борис Михайлович писал: «Мне приходилось не раз задумываться над вопросами: как бы облегчить родителям жизнь? Не раз приходила в голову мысль – а не уйти ли на военную службу? Среднее образование позволило бы поступить непосредственно в военное училище. О том, чтобы за счет родителей пять лет учиться в высшем техническом заведении, даже мечтать не приходилось. Поэтому я уже, пока про себя, твердо решил пойти по военной линии... Моим тогдашним сотоварищам, конечно, трудно было понять мое решение идти в военное училище. Дело в том, что я окончил реальное училище со средним баллом 4,3. С таким баллом обычно шли в высшие технические учебные заведения. В военные же училища, по общему представлению, шла слабая по теоретической подготовке молодежь».

Но Борис, многократно все обдумав и взвесив, принял решение – неожиданно для родителей он заявил о своем желании поступить в Московское военное училище. Родители, также трезво мыслящие люди, его отговаривать не стали. И юноша, собрав нужные документы, выехал в Москву. Но в тот раз его ждала неудача – Борис заболел и не смог вовремя пройти медицинскую комиссию. Ему было предложено попытать счастья через год.

Вернувшись в Белебей, Борис Шапошников поступил младшим делопроизводителем в контору склада винокурного завода с окладом 25 рублей в месяц. Там он проработал девять месяцев. Но эта работа для него была временной. 10 августа 1891 года он снова выехал в Москву для поступления в военное училище. На этот раз его усилия увенчались успехом.

Созданное в 1864 году Московское Алексеевское военное училище размещалось в Лефортове, сразу же за речкой Яузой, в Красных казармах. Это было старинное двухэтажное здание с толстыми стенами, небольшими, пропускавшими мало света окнами, с большим коридором посередине, с асфальтовыми полами. Напротив здания училища находился двухэтажный корпус, занятый под квартиры начальствующего состава. «По чину» в иерархии военных училищ Российской империи это училище было третьим (первым считалось Павловское в Петербурге, вторым Александровское в Москве). Но если в первое и второе принимались преимуще-

шественно дети дворян, то в Алексеевское могли поступать все лица, кто окончил полный курс или не меньше четырех классов гимназии или реального училища, независимо от сословной принадлежности.

Правда, условия учебы и проживания в этих училищах также были разными. Позже Борис Михайлович писал: «Даже кадетские корпуса были в более благоустроенных зданиях, чем наше училище. Но зато это имело и обратную сторону. Мы до некоторой степени гордились тем, что живем в «казармах», не так, как изнеженные дворянчики, что, по существу, приучило нас к будущей обстановке, когда пришлось уже быть в настоящей казарме».

В училище учились два года. По качеству профессиональной подготовки Алексеевское училище в ту пору, когда учился в нем Б. М. Шапошников, считалось одним из лучших. Оно давало своим питомцам не только специальную подготовку для командира взвода, но и способствовало их чисто военному и общему развитию. Программой, рассчитанной на два года, предусматривалось изучение тактики различных родов войск применительно к существовавшей тогда организации: общая тактика (на старшем курсе) с кратким понятием о стратегии; уставы; законоведение; военная администрация; военная история, главным образом русская, от Петра I до Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, механика, физика и химия; русская словесность; иностранные языки – французский и немецкий. По артиллерии и инженерному делу имелись хорошие кабинеты. Оценка успеваемости производилась по 12-балльной системе.

Вся жизнь в училище подчинялась строгому распорядку дня. Подъем в 6.30 утра, в 7.30 построение на утренний осмотр, затем утренний час, с 8.30 до 14.00 занятия в учебных классах с большой переменой в 11 часов, во время которой давался горячий завтрак (обычно котлета с черным хлебом, кружка чаю и два куса сахара). С 14 до 16 часов проводились строевые занятия. С 16 до 17 часов обед (из двух блюд; по праздничным дням и один раз среди недели давалось сладкое), после чего разрешался полуторачасовой отдых. С 18.30 до 20.00 – самостоятельная подготовка в классе уроков на следующий день. В 20 часов был вечерний чай (кружка чаю с белым хлебом), затем вечерняя переключка и молитва. С 21.00 до 22.30 юнкера находились в своих помещениях, в читальне или в учебном классе. В 22.45 – отбой.

Все юнкера были на полном содержании военного ведомства, но никакого жалованья не получали. При переходе из младшего класса в старший держали экзамены.

Лагерный период обучения летом 1902 года завершал первый год пребывания Шапошникова в училище. Знаменателен для него он был участием в курских маневрах. Маневры эти проходили в конце августа, когда старшекурсники, уже произведенные в офицеры, разъехались в отпуск. Поэтому командиров для юнкерских взводов, участвовавших в них, подбирали из своих же первогодков.

Шапошников, который выделялся успехами в учебе, назначили командиром взвода. Таким образом, уже в двадцать лет он впервые соприкоснулся с командирскими обязанностями в условиях, приближенных к боевым. Юнкерский батальон, включенный в состав «северной» армии, участвовал в ряде тактических столкновений с конницей «противника», осуществлял оборону редута, совершал другие маневры. Его умелые действия в ходе маневров были учтены впоследствии: на старшем курсе Шапошников был произведен в армейские унтер-офицеры и портупей-юнкера. Теперь в его обязанности наряду с учебой на втором курсе входило еще и командование взводом вновь набранного младшего класса.

Перед самым выпуском из училища были еще одни маневры, в которых довелось участвовать Борису Михайловичу, – звенигородские. Теперь под его командованием был взвод юнкеров, с которыми он занимался на протяжении всего года. И вновь он показал хорошие командирские качества, умение быстро принимать решения, отвечающие складывающейся обстановке, и твердо проводить их в жизнь.

Немного свободное время, остававшееся от учебы в военном училище, Шапошников использовал преимущественно для приобщения к театру. Это увлечение его началось еще в

Перми, где был неплохой театр, в последний год учебы в реальном училище. Теперь же, в Москве, в сезон 1902/03 года, юнкер Борис Шапошников получил возможность наслаждаться в опере великолепным искусством Шаляпина, Собинова, балерины Гельцер...

Училище Б. М. Шапошников закончил в 1903 году, имея наилучшие показатели по успеваемости, и его имя было занесено на мраморную доску.

Таким образом, Борис Михайлович в юношеские годы осознанно связал свою дальнейшую жизнь с военной службой, проявил упорство при поступлении в военное училище, а во время учебы смог добиться высоких результатов в успеваемости, одновременно получив навыки в командовании подразделением. Это было очень важно для становления характера каждого офицера, и Шапошников успешно выдержал этот экзамен. Вся его последующая жизнь будет состоять из таких экзаменов, но этот первый был самым знаковым.

Как лучший по успеваемости, Борис Шапошников имел право выбора места будущей службы. В то время было принято при выпуске в вестибюле училища вывешивать два списка: первый – по результатам экзаменов, второй – вакансий. Имевшиеся вакансии выпускники выбирали в порядке очереди, которая устанавливалась в зависимости от среднего выпускного балла, который у Шапошникова был очень высоким. Но, к удивлению многих, Борис выбрал службу в Туркестанском военном округе (Средняя Азия), в 1-м Туркестанском батальоне.

Свой первый офицерский отпуск подпоручик Б. М. Шапошников провел в Белебее, в доме родителей. Затем он поехал к месту службы. Путь до Ташкента через Самару, Ростов-на-Дону, Баку, через Каспийское море, Красноводск, Ашхабад, Мерв занял девять дней. 19 октября Борис Михайлович прибыл к месту своего назначения.

1-й стрелковый Туркестанский батальон, для прохождения службы в который был направлен подпоручик Б. М. Шапошников, хотя и представлял собой сравнительно молодую часть в армии Российской империи, однако имел солидную боевую историю. Он был сформирован в 1865 году в Оренбурге, но затем направлен к Ташкенту в район, где тогда велись боевые действия. Батальон участвовал почти во всех походах и боях в Средней Азии, в войнах с Бухарой, Кокандским ханством. Под командованием известного впоследствии генерала М. Д. Скобелева его подразделения преследовали остатки кокандских войск до предгорий Памира.

Боевые традиции поддерживались и в последующие годы. Батальон, как и другие части приграничного Туркестанского военного округа, содержался по усиленному штату. Большое внимание уделялось боевой подготовке подразделений, особенно стрельбе. Традицией стрелковых частей Туркестана были быстрые и длительные марши, в том числе в горных условиях.

Подпоручик Шапошников был назначен командиром полуроты в 3-ю роту батальона. В подразделениях батальона служили исключительно православные, так как местное население воинской повинности не несло. 50 % личного состава составляли русские и украинцы, остальная часть выпадала на поляков, евреев, грузин и армян. Солдаты служили по три года, призывались в возрасте 21 года, были молодые, крепкие и выносливые. Летом носили белую рубашу и малиновые брюки из бараньей кожи, которые должны были спасать от колючих растений.

Из двадцати офицеров 1-го стрелкового Туркестанского батальона только шестеро относились к числу молодых, остальные и по возрасту были значительно старше, и выслугу лет имели от десяти до двадцати лет, причем служили преимущественно в том же батальоне. Как позже вспоминал Борис Михайлович, по этой причине он и другие молодые офицеры «ходили в батальоне, как говорится, на цыпочках и, хотя по закону на офицерских собраниях имели право голоса, никогда его не подавали, слушая, что говорят старшие».

По службе у Шапошникова все складывалось достаточно удачно. Правда, всего через месяц после его прибытия в роту, где он был назначен обучать молодых солдат, у него произошло столкновение с фельдфебелем роты, состоявшим на сверхсрочной службе.

Фельдфебели, относившиеся к унтер-офицерскому составу, на котором лежало поддержание внутреннего порядка в подразделениях, в старой русской армии, как известно, были

грозой не только для солдат. Иногда они не ставили ни в грош и младших офицеров роты, сплошь и рядом докладывая ротному командиру об ошибках полуротных.

И вот однажды, когда Шапошников пришел на занятия, он увидел, что солдаты делают ружейные приемы не по уставу. Спросил унтер-офицера, почему так делается. Тот ответил: «Так приказал фельдфебель».

Шапошников приказал позвать фельдфебеля, и, когда тот пришел, заставил его прочитать нужные параграфы устава.

– Понял, как нужно делать? – спросил Борис Михайлович.

– Понял, – ответил тот, – только у нас иначе делается.

– Так вот, фельдфебель Серый, запомни раз и навсегда, что нужно делать так, как написано в уставе, – сказал подпоручик. – А кунштюки с винтовкой я и сам умею делать!

Взяв в руки винтовку, Шапошников приказал фельдфебелю командовать, сам четко проделал прием по-уставному, а затем от ноги подбросил перед собой винтовку так, что она трижды перевернулась, в вертикальном положении поймал ее у середины своей груди.

– Видел, как можно делать? – заметил Борис Михайлович. – Но это не по уставу, и впредь не смей отменять уставных требований.

Данный незначительный эпизод из жизни Б. М. Шапошникова, о котором он подробно рассказал в своих мемуарах, говорит о многом. При всех сложностях и противоречиях своего трудного времени Борис Михайлович всегда четко следовал установленным правилам, не допуская послаблений и колебаний в сторону. Это и позволило ему выжить в условиях, когда многие другие стали жертвами различных обстоятельств, ошибок и наговоров. Но об этом несколько позже.

Затем Шапошников постепенно начал ломать и так называемую «словесность» – так именовалось на солдатском языке изучение устава внутренней службы в сочетании с обязанностью солдата знать свое начальство, различать чины и т. д. Премудростям «словесности» солдат обучали унтер-офицеры, и сводилась она к механической зубрежке. По вызову отделенного новобранцы вскакивали, ударяли себя ладонями по швам брюк и без ошибки должны были отчеканить ответ на вопрос унтер-офицера. Отвечали скороговоркой и даже какими-то белыми стихами. И стоило только чуть заикнуться, как следовало грозное внушение отделенного новобранцу.

Подпоручик Шапошников стал добиваться, чтобы его солдаты не механически заучивали необходимый материал, а прежде всего думали и запоминали осознанно. Такая методика была встречена унтер-офицерами с явным неудовольствием. Но подпоручик настойчиво добивался своего.

В роте было немало неграмотных молодых солдат, даже русских, не говоря уже о солдатах других национальностей. По требованиям того времени за пять месяцев нужно было научить их читать, писать и считать. Занимались этим унтер-офицеры. И если лица славянской национальности и евреи с данной задачей, как правило, справлялись успешно, то кавказцам грамота давалась очень трудно.

Шапошников четко выполнял свои служебные обязанности. Подчиненные всегда видели его в батальоне аккуратно в 8.30 утра подтянутым, замечающим любую неточность в действиях солдат и обучающих их унтер-офицеров и умеющим ровно и спокойно поправить дело. После обеденного перерыва подпоручик ежедневно вновь приходил в свою роту и проводил предусмотренные занятия, контролировал унтер-офицеров. Вскоре полурота, которой командовал Шапошников, стала заметным в батальоне подразделением в выучке и дисциплине.

Летний лагерный период прошел для Шапошникова не менее успешно, чем зима 1903/04 года. В начале сентября Ташкентскому батальону делал смотр прибывший из Петербурга генерал. Экзамен предстоял очень важный, так как результаты смотра шли в приказ по военному ведомству. В день смотра роте, в которой служил Шапошников, досталось сложное упражне-

ние: стрельба по 12-фигурной мишени в рост одиночным огнем из положения лежа с упора на дистанции 1400 шагов. Сложность стрельбы заключалась в том, что на такой большой дистанции нужно было точно учитывать силу ветра и соответственно выносить точку прицеливания, целясь не под мишень, а на две, даже четыре фигуры от нее в сторону, противоположную направлению ветра.

Сам Борис Михайлович так рассказывает о ходе и результатах этой стрельбы: «Дошла очередь стрелять нашей роте. Запретив унтер-офицерам вмешиваться в дело, дабы не нервировать стрелков, я и ротный командир давали точки прицеливания и наблюдали за каждым выстрелом. Рота дала сверхотличный результат... Сверхотлично стрелял и весь батальон, заняв по стрельбе первое место в лагере».

На деловые качества Шапошникова обратило внимание начальство. В первый же год службы его прикомандировали к штабу округа, предложив наблюдать за печатанием нового мобилизационного расписания, которое было строго секретным документом, и работать с его корректурой.

Некоторый интерес для современника представляет вопрос оплаты труда молодого офицера в Российской империи в то время. По воспоминаниям самого Б. М. Шапошникова, он в чине подпоручика ежемесячно получал 76 рублей. Из них 15 рублей стоил съём квартиры, 12 рублей уходило на обеды и ужины, 10 рублей – на обмундирование, еще 10 – на стирку белья, 3 рубля – на жалованье денщику, на прочие карманные расходы оставалось от 11 до 16 рублей в месяц. Это была очень скромная сумма даже в то время. Поэтому большинство молодых офицеров долгое время оставались не женатыми. Всем их бытом занимались денщики. Они должны были вовремя разбудить офицера, приготовить утром чай, сходить за обедом и ужином, заботиться о ведении всего хозяйства своего офицера. Поэтому, даже уезжая в командировку, офицер всегда брал с собой своего денщика.

В то время современной системы командирской подготовки для офицеров не было, и даже занятия по простейшей тактике с ними не проводились. В виде особых занятий иногда слушались доклады офицеров службы Генерального штаба на исторические темы, которые на профессиональную подготовку офицеров практически не влияли. Считалось, что премудрости военного искусства они должны были постигать самостоятельно и преимущественно на практике в ходе маневров или даже на войне. Поэтому Борис Михайлович был очень рад, когда после лагерного сбора в сентябре 1904 года командир батальона предложил ему отправиться в Самарканд в нештатную окружную школу фехтования при 2-м казачьем Уральском полку. После четырехмесячной подготовки офицеры, прошедшие курс, становились инструкторами по фехтованию на рапирах, эспадронах и штыках.

Так как занятия в школе занимали всего четыре часа в день, офицеры, собранные на учебу, а их было всего восемь человек, попросили расписать их по казачьим сотням, чтобы учиться верховой езде и конному строю. Так Борис Михайлович получил первые навыки кавалерийской службы.

К этому времени подпоручик Шапошников уже наметил для себя очередную задачу – закончить Николаевскую академию Генерального штаба – самое престижное высшее военное учебное заведение Российской империи. Но поступить туда учиться было очень не просто. В частности, требовалось прежде не менее трех лет отслужить в строю. Именно поэтому Борис Михайлович отказался от предложенной ему должности в штабе округа.

В то время существовала особая атмосфера в России и армии в связи с начавшейся в январе 1904 года войной с Японией. Многие офицеры с западных военных округов в поисках славы и чинов рвались на театр военных действий. Особенно эти стремления наблюдались у туркестанцев. Дело в том, что командующий Маньчжурской армией, а с осени 1904 года и главнокомандующий вооруженными силами России на Дальнем Востоке генерал от инфантерии А. Н. Куропаткин свою офицерскую службу начинал в 1866 году в том же 1-м стрелковом

Туркестанском батальоне, а затем на протяжении одиннадцати лет тесно соприкасался с ним по службе. Это придавало многим особы шарм.

Шапошников также стремился попасть в действующую армию, но ему, по его словам, не повезло при жеребьевке, которую устроил командир батальона для все желающих.

Зато ему повезло в другом. В офицерском собрании батальона имелась довольно богатая библиотека, по оценке Бориса Михайловича, даже лучшая, нежели в общегарнизонном собрании Ташкента. Почти четыре десятилетия накапливались в ней книги, газеты, журналы за счет фонда, который складывался из небольших ежемесячных взносов офицеров. В библиотеке имелись сочинения классиков и видных военных авторов. Осенью 1904 года офицерским собранием батальона Шапошников был избран заведующим этой библиотекой без отрыва от своих прямых служебных обязанностей. По сути дела, это была дополнительная нагрузка, но Борис Михайлович воспринимал ее как особое к нему доверие начальства и дополнительную возможность подготовки к поступлению в Николаевскую академию Генерального штаба.

31 января 1905 года Шапошников был назначен начальником учебной команды батальона с правами ротного командира. Через эту команду проходили все солдаты, призванные на военную службу и направленные в 1-й Туркестанский батальон. Молодой офицер был ошеломлен таким повышением в должности, так как обычно ее занимали офицеры, прослужившие достаточно долго и имевшие чин не меньше штабс-капитана.

Поражение России в войне с Японией очень болезненно будет воспринято обществом и армией. Позже в своих воспоминаниях Б. М. Шапошников будет много писать о том, какие революционные преобразования происходили в российском обществе и даже военной среде после завершения этой войны. Безусловно, все это имело место, и, имея постоянный доступ в периодической печати, Борис Михайлович был в курсе многих событий. Но едва ли он – подпоручик – разделял в то время какие-либо революционные взгляды. В то время его помыслы и энергия были нацелены совсем на другое, а по жизни он уже научился выделять главное.

Осенью 1906 года с Маньчжурии в батальон вернулось три офицера, и один из них принял от Шапошникова учебную команду. Сам Борис Михайлович был произведен в поручики и вернулся к исполнению должности командира полуроты в свое подразделение. При этом по специальному разрешению командования он начал интенсивную подготовку к поступлению в Николаевскую академию Генерального штаба и, по его собственному выражению, превратился в затворника: днем нес службу в батальоне, ночью упорно занимался.

Важно отметить тот факт, что случаи поступления туркестанцев в Николаевскую академию Генерального штаба были единичными. За всю историю батальона, начиная с 1865 года, в академию поступило всего два человека, и первым из них был А. Н. Куропаткин. Шапошников был третьим, кто решился на этот шаг. Всего же в том году со всего Туркестанского военного округа на поступление в академию подали заявки пять человек...

Но прежде, чем быть направленным для сдачи экзаменов в Санкт-Петербург, нужно было пройти окружные испытания, которые состоялись в начале мая 1907 года. Они заключались в решении тактической задачи, написании сочинения и сдаче экзамена по верховой езде. Шапошников все эти предварительные экзамены сдал успешно.

После этого для сдачи экзаменов уже непосредственно в академии в Санкт-Петербурге офицеру представлялся месячный отпуск. Борис Михайлович был освобожден от службы и покинул Ташкент. Воспользовавшись отпуском, он поехал навестить родителей в Белебее и одновременно использовал это время для того, чтобы подтянуть свои знания в иностранных языках.

Таким образом, Б. М. Шапошников первые годы своей офицерской службы провел в Туркестане, где получил богатую практику командования подразделением и в очередной раз зарекомендовал себя как исполнительный и исключительно грамотный офицер. При этом, что особенно важно, все это время он имел перед собой вполне конкретную цель поступления в

Николаевскую академию Генерального штаба и делал все возможное для того, чтобы достичь этой цели.

НИКОЛАЕВСКАЯ АКАДЕМИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Проведя в родительском доме две недели, Шапошников выехал в Петербург, куда и прибыл 17 августа 1907 года. Затем, успешно сдав вступительные экзамены (при средней норме 8 баллов набрал 9,82 балла), поручик Б. М. Шапошников в числе 124 офицеров приказом начальника Генерального штаба от 16 октября 1907 года был зачислен на младший курс Николаевской академии Генерального штаба.

Николаевская академия Генерального штаба вела свою историю с 1832 года. До этого времени послепервичной подготовкой офицеров в русской армии не занимались. Поэтому нередкими были случаи, когда военачальники высшего звена управления рассуждали на уровне взвода и роты. Наполеоновские войны начала XIX века, заключавшиеся в слаженных действиях на поле боя дивизий и корпусов, в маневре армиями на большие расстояния, показали всю ущербность такого положения. Во всем мире к военному образованию начали относиться с должным уважением, и Российская империя была вынуждена последовать этому примеру.

Правда, в первые 20 лет существования академии в полной мере реализовывать заложенные идеи не удавалось – мешала косность старого генералитета, который в молодых образованных офицерах видел угрозу для своего существования. Дошло до того, что «академики» всячески притеснялись по службе, очень медленно продвигались по служебной лестнице. Но неудачная для России Крымская война поставила все на свое место. Выпускник академии Дмитрий Милютин начал реформу русской армии, в том числе и с ломки прежней кадровой системы. В годы Русско-турецкой войны 1877–1878 годов «академики» командовали дивизиями и корпусами, руководили штабами объединений и соединений. С тех пор Николаевская академия Генерального штаба стала самым престижным военно-учебным заведением в системе подготовки командно-штабных кадров высшего звена управления для российской армии.

В то время академия размещалась в Санкт-Петербурге в специально построенном для нее двухэтажном здании в форме буквы «П», расположенном на Суворовском проспекте. Рядом находились сквер с памятником выпускникам академии, павшим в боях во время Крымской, Русско-турецкой и Русско-японской войн, а на соседнем переулке – Суворовский музей и церковь, перенесенная сюда из села Кончанского.

На устройство офицерам было предоставлено несколько дней. Для Шапошникова бытовые хлопоты начались с поиска жилья. Подходящая комната нашлась неподалеку, на Суворовском проспекте, в доме, расположенном между 5-й и 6-й Рождественскими улицами. Поселился там Борис Михайлович вместе с младшим братом Евгением – студентом Политехнического института. Платили за комнату с обедом 40 рублей в месяц, притом что квартирному офицеру полагалось 25 рублей. Приходилось доплачивать из 74-рублевого жалованья поручика и жить очень экономно.

Затем начались занятия в академии, которые строились следующим порядком: Трижды в неделю с 8 часов утра начинались уроки верховой езды. Лекции читались с 9 до 12 часов, затем делался 30-минутный перерыв на завтрак, и снова лекции до 4 часов дня.

В течение первого года учебы в академии слушатели изучали тактику пехоты, конницы, артиллерии, полевую фортификацию, устройство вооруженных сил вообще и армий важнейших европейских государств в частности, а также и США, историю военного искусства с древнейших времен и до войн Наполеона включительно, историю военного искусства России, общую историю XIX века и русскую историю, геодезию и т. д. Изучение иностранных языков

проводилось по вечерам для желающих. Зато верховая езда как на вступительных экзаменах, так и в процессе обучения рассматривалась как ведущая дисциплина в подготовке офицеров Генерального штаба – занятия в манеже проводились практически без перерывов на всех курсах.

Подобное пристрастие к кавалерийскому делу объяснялось опытом Русско-японской войны. Тогда, в бою под Яньтайскими копями, одна из дивизий русской армии, попав в высокий гаолян, рассыпалась. Начальник дивизии генерал Орлов был ранен, а начальник штаба подполковник Глобачев не смог справиться с управлением конем, который унес его в тыл. В результате этого управление дивизией было потеряно, о чем было доложено по команде. Поэтому было решено верховой езде в академии уделять особое внимание.

Академическое начальство строго следило за посещением манежа и лекций, но мало интересовалось тем, что делают офицеры вне стен академии и условиями их жизни.

На втором курсе академии чисто военные дисциплины занимали еще больший удельный вес, чем на первом: стратегия, общая тактика, история новейших войн, общая военная статистика, представлявшая, по существу, обзор пограничных с Россией стран на западе и востоке, инженерная оборона государства, военные сообщения, военно-морское дело и т. д. Помимо работы в академии, к практическим занятиям по тактике приходилось много готовиться дома.

После завершения учебы на втором курсе и сдачи экзаменов офицеры уходили в войска, считаясь окончившими академию по второму разряду. И только те, кто имел успеваемость свыше 10 баллов, оставались для продолжения учебы на дополнительном курсе. В результате такого «отсева» в том году из 95 человек, окончивших старший курс, на дополнительный курс было зачислено 62 человека. В их числе был и Б. М. Шапошников, который по успеваемости был на седьмом месте.

Офицеры, оканчивавшие дополнительный курс, предназначались для службы по линии Генерального штаба, т. е. в качестве обер-квартирмейстеров штабов дивизий (оперативных отделений). Они должны были уметь готовить боевые документы, правильно передавать распоряжения командира, составлять различные аналитические справки и доклады. В связи с этим программа дополнительного курса состояла преимущественно из практических занятий и разработки письменных научных работ. По результатам проведенных исследований требовалось делать доклады.

В начале XX века академия все больше ориентировалась не только на подготовку офицеров для службы по линии Генерального штаба, но и для работы в войсках. В связи с этим приказом по Военному ведомству от 12 августа 1909 года она была переименована и стала называться Императорской Николаевской военной академией.

Академию возглавлял в период учебы в ней Шапошникова генерал Д. Г. Щербачев. По словам Бориса Михайловича, на этот пост Щербачев попал только потому, что активно участвовал в подавлении революции 1905 года. Под стать начальнику был и правитель дел академии полковник А. К. Баиов. По своему служебному положению правитель дел имел большой вес в постановке учебного процесса. Сам он читал лекции по истории военного искусства, «читал скучно и нудно». Полной бездарностью был преподаватель тактики конницы профессор А. Г. Елчанинов, который к тому же плохо ездил на лошади и потому приходил иногда на лекции с забинтованной головой. За это и за его ум офицеры окрестили Елчанинова «всадником без головы».

Но были и другие профессора в академии, о которых Шапошников отзывался с уважением. В их числе были: военный инженер В. С. Иппатович-Горанский, артиллерийский специалист полковник В. С. Дельвиг, отличный лектор по тактике пехоты Н. А. Данилов, преподаватель стратегии полковник А. А. Незнамов, преподаватель общей тактики полковник В. В. Беляев, преподаватель военной статистики П. А. Христиани, преподаватель военной истории подполковник Н. Н. Головин, преподаватель русской истории С. Ф. Платонов.

Правда, к оценкам преподавателей, даваемых Б. М. Шапошниковым, следует относиться весьма осторожно. Нужно помнить, что свои воспоминания он писал в то время, когда еще не выветрилась эпидемия «врагов народа». Поэтому «худшими» были те, кто не принял советской власти и «лучшими» те, кто остался в СССР после 1917 года...

С таким же подходом Борис Михайлович относился и к характеристикам своих товарищей по учебе в академии. В частности, он подробно рассказывал о непорядочных проступках гвардейского поручика барона П. Н. Врангеля, который был его однокурсником. Он писал: «Врангель в академии вел знакомство только с гвардейцами... я не принадлежал к числу последних и никогда не здоровался с Врангелем... С ним и произошел неприятный случай на экзамене по геодезии. Врангель вышел к столу, взял билет и на доске написал: «Барон Врангель, № 8». Вслед за ним вышел казачьего Донского полка сотник Герасимов и также вытянул билет. Оба начали готовиться к ответу, но у Врангеля по содержанию оказался трудный билет, а у сотника, наоборот, легкий. Поэтому гвардейский поручик стер с доски номер своего билета, и записал номер билета сотника. Профессор генерал Шарнгорст, как и следовало ожидать, встал на сторону барона, который, ответив на легкий билет, получил высшую оценку». Правда, в слушательской среде поступок Врангеля был осужден. «Академия, – писал Шапошников о Врангеле, – ему была нужна, чтобы скорее получить чин ротмистра гвардии, приравнивавшийся в случае ухода в армию к полковнику».

Но это все эмоции с политическим подтекстом. А так нужно сказать, что поручик Б. М. Шапошников в академии учился с полной отдачей сил, добросовестно выполняя задания. Остававшееся небольшое свободное время он предпочитал посвящать чтению или посещению театра. Ему нравился петербургский балет, где блистали в то время Павлова, Карсавина, Кшесинская, и оперный состав Мариинского театра с обоими Фигнерами, Давыдовым, Яковлевым. «Все это, – вспоминал он, – были корифеи сцены, но корифеи «казенные». Они напоминали высоких чиновников сурового Петербурга. Шаляпин и Собинов не могли удержаться на сцене Мариинского театра: постоянная служба на петербургской сцене погубила бы их таланты».

В Петербургской консерватории Шапошников слушал последнюю оперу Римского-Корсакова «Золотой петушок», не допущенную цензурой на сцену Мариинского театра. Привлекал его внимание театр Комиссаржевской, зал которого заполнялся по преимуществу не сановниками и чопорными дамами, а учащейся молодежью, средними чиновниками, театральной общественностью. Однако, несмотря на большую любовь к театру, много увлекаться им, как говорил сам Борис Михайлович, не приходилось: мешали домашние вечерние занятия, трудно было достать билеты, да и офицерский бюджет не позволял.

Выпускные экзамены Б. М. Шапошников сдал успешно, с высоким средним баллом, что давало ему право быть причисленным к службе Генерального штаба. 26 мая 1910 года приказом по военному ведомству за отличные успехи в науках он был произведен в штабс-капитаны.

В конце мая 1910 года академическое начальство готовилось к приему императора, который к тому времени уже посетил Артиллерийскую и Военно-инженерную академии. Но Николай II в Николаевскую военную академию так и не приехал. Ходили слухи, что незадолго до этого кто-то из преподавателей этой академии публично обвинил российские власти за поражение в войне с Японией, что сильно обидело императора...

Однако, уважение властей к академии оставалось прежним. После сдачи выпускных экзаменов шестьдесят с лишним выпускников дополнительного курса и преподавателей академии были приглашены на царский прием в Петергоф. Там, для представления императору, все они были построены в зависимости от результатов учебы. Б. М. Шапошников стоял одним из первых на правом фланге этого строя.

Войдя в зал и выслушав доклад начальника академии, Николай II стал обходить строй, с каждым здороваясь за руку и спрашивая, с какого он полка поступал в академию. Иногда, услышав знакомое название части, император спрашивал место ее дислокации и фамилию коман-

дира. При этом все хорошо понимали, что это обычный ничего не значащий церемониал, и поэтому старались давать максимально краткие ответы.

Когда обход причисленных к Генерального штабу был завершен, императора подвели к остальным. При этом начальник академии пояснил, что эти офицеры по итогам своей учебы не попали в списки генштабистов и должны будут вернуться в строй. Но император, видимо, не понял его или прослушал данное объяснение. Увидев стоящего во второй группе своего знакомого лейб-гвардии поручика Кульнева, он подошел к нему, о чем-то поговорил и вдруг поздравил всех непричисленных с зачислением в Генеральный штаб!!! Потребовались дополнительные разъяснения со стороны начальника академии для того, что сгладить данный инцидент и все поставить на свои места.

Что же дала Шапошникову академия? Его собственная оценка этого периода жизни кажется исчерпывающей. Он писал: «Нет сомнения, что она (академия. – *Авт.*) расширила теоретический кругозор, наплатила знаниями, которые нужно было как следует еще переварить, а самое главное, найти применение им в жизни. ...Академия привила мне любовь к военной истории, научила извлекать из нее выводы на будущее. К истории я вообще всегда тяготел – она была ярким светильником на моем пути. Необходимо было и дальше продолжать изучать этот кладезь мудрости.

Что же касается практической подготовки к службе в Генеральном штабе, то здесь мы получили не очень много. Групповые упражнения развивали тактическое мышление, но такого рода занятий, как военная игра, у нас и в помине не было. Между тем с этим мы столкнулись с первых же шагов своей работы и в войсках и в штабах. Метода проведения военных игр, метода свободного творчества в них академия не раскрыла своим adeptам. Короче говоря, мы были выпущены в жизнь больше теоретиками, чем практиками. От нас самих уже зависело сделаться практиками. Но академия приучила нас к напряженной работе и к выполнению работы в установленный срок».

Таким образом, офицер Б. М. Шапошников, продолжая совершенствовать свою профессиональную подготовку, успешно окончил Николаевскую военную академию (переименована в 1909 году). В результате этого он приобрел не только дополнительные знания в области военного дела, но и сделал очередной существенный шаг по карьерной лестнице, что было и остается крайне важным для любого офицера.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СТРОЙ

По существовавшему положению выпускникам дополнительного класса академии, даже причисленным к Генеральному штабу, но ранее не командовавшим ротой, предстояло последующие два года отработать в этой должности (цензовое командование). Штабс-капитан Б. М. Шапошников выразил желание откомандовать ротой опять-таки в 1-м стрелковом Туркестанском батальоне, где проходил службу до поступления в академию, и был откомандирован в распоряжение штаба Туркестанского военного округа.

При выпуске в качестве единовременного пособия на приобретение лошади ему было выплачено 300 рублей и предоставлен двухнедельный отпуск, который, вполне понятно, он провел в родительском доме в Белебее.

23 июня 1910 года Б. М. Шапошников выехал в Ташкент. Он ехал по тому же маршруту, что и семь лет назад, но теперь уже совсем в другом качестве: молодой штабс-капитан с аксельбантами и серебряным знаком на груди у всех вызывал уважение.

Борис Михайлович некоторое время прослужил при штабе округа, выполняя мелкие поручения командования. Но он рвался в строй, и 20 октября 1910 года он был отправлен в 1-й Туркестанский стрелковый полк, который был развернут на базе бывшего 1-го Туркестанского батальона, для цензового командования ротой. Правда, прибыв в эту часть, он был сильно

разочарован от того, что увидел. «Окунувшись в жизнь полка, я понял, что в нем уже нет той «старой туркестанской» атмосферы, которая была до моего отъезда в академию, – пишет Шапошников. – Теперь 1-й Туркестанский стрелковый полк не отличался от обычного пехотного полка с его правилами и обычаями. Старые офицеры почти все ушли из батальона».

Оказавшись в данной атмосфере, штабс-капитан Шапошников быстро выстроил вполне конкретную линию своего поведения. Он сознательно не пошел на близкий контакт с командиром полка полковником Федоровым, который, по словам Бориса Михайловича, «уважал только тех, кто разделял с ним частые застолья». Но при этом он смог добиться расположения командующего войсками округа генерала А. В. Самсонова – участника Русско-японской войны. Для этого Борис Михайлович в качестве темы для своего обязательного научного доклада выбрал разбор операции 2-й русской армии под Сандепу, в составе которой действовала и дивизия Самсонова.

Доклад состоялся в один из декабрьских вечеров в присутствии Самсонова, других генералов и офицеров штаба округа и Ташкентского гарнизона. Когда он был закончен, командующий округом лично подошел к Шапошникову и поблагодарил за его качественно проделанную работу. Этим докладом, по признанию самого Бориса Михайловича, он «упрочнил свое положение в полку, и пьяная компания Федорова мне уже была не страшна. Завязались более тесные связи с офицерами Генерального штаба... Одним словом, я был уже не просто «момент» (как называли в строю офицеров Генерального штаба), а командир, который вынес кое-что свежее и здоровое из академии».

Очень скоро после этого доклада Б. М. Шапошников без освобождения от должности командира роты был избран членом суда чести офицеров полка. В конце лета 1911 года ему была поручена ответственная задача – провести рекогносцировку местности перед проведением корпусных маневров. Затем со своим подразделением он участвовал в этих маневрах, заслужив похвалу командования.

Осенью 1911 года Шапошников сделал второй доклад о сражении русских войск с японцами под Вафангу, в котором также участвовала дивизия генерала А. В. Самсонова. И этот доклад также получил высокую оценку у командующего войсками округа. В качестве поощрения в 1912 году Борис Михайловичу было поручено сделать доклад к 100-летию Бородинской битвы...

Так в делах и заботах закончилось время цензового командования ротой в 1-м Туркестанском полку. Сдав роту, Борис Михайлович некоторое время состоял при штабе 1-го Туркестанского корпуса, а в начале декабря 1912 года получил назначение на должность старшего адъютанта штаба 14-й кавалерийской дивизии, которая дислоцировалась в городе Ченстохове на территории Польши. 23 декабря 1912 года поездом Б. М. Шапошников прибыл в Варшаву, где в штабе округа узнал, что ему присвоено звание капитана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.